ИВАН ШУТКУН

ДОМ ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

ПОВЕСТЬ

Иван Шуткун

Дом перед осенью

«Автор»
2026

Шуткун И.

Дом перед осенью / И. Шуткун — «Автор», 2026

Марина хочет за шесть недель подготовить родительский дом к продаже. Валя не готова разбирать его в темпе сестриного плана: у неё работа, свое хозяйство и вещи, которые нельзя сразу отправить на выброс. Наследство уже поделено поровну, но первый же разговор о расходах задевает то, о чём договориться гораздо труднее.Марина оплачивала отцу лекарства и сиделку, работая по ночам над дополнительными расчётами. Валя оставалась рядом после ухода сиделки. Теперь одна надеется за счёт продажи отказаться хотя бы от части подработок, а другая спрашивает, почему вложением считается только то, на что есть чек. К тому же реальная цена дома оказывается ниже той, на которую рассчитывала Марина.Здесь подают картошку именно с теми поджаренными краями, которые любит сестра, помнят её кружку — и больно задевают друг друга за тем же столом. Смогут ли Марина и Валя решить, что делать с домом, не превращая каждую просьбу в доказательство того, кто кому больше должен?

© Шуткун И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. На шесть недель 5
2. Цена за квадратный метр 8
3. За чей счёт 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Иван Шуткун
Дом перед осенью

1. На шесть недель

Валя поставила передо мной тарелку и большим пальцем отодвинула от края стола, как будто я всё ещё могла зацепить её школьным рукавом.

— Ешь, пока горячее. Потом будешь свои таблицы.

Я собиралась сначала принять душ, достать зарядку и написать на работу, что добралась. Но картошка была поджарена именно так, как я любила: с тёмными краями, которые все остальные в нашей семье считали подгоревшими. Под ней пряталась котлета. Я подвинула к себе тарелку обратно.

— Ты специально?

— Нет, случайно испортила тебе ужин.

Валя села напротив и потянулась за огурцом. От её запястья пахнуло укропом. На кухне всё ещё было жарко, хотя окно открыли настежь; занавеска лежала на подоконнике, придавленная старой сахарницей. Во дворе кто-то заводил триммер, долго, безуспешно, с паузами, в которых слышались воробьи.

Я приехала на шесть недель и пока хотела только одного: чтобы ближайшие десять минут от меня ничего не требовалось. Даже самой странно было обнаружить это желание после дороги, во время которой я составила порядок работ до середины августа.

Я нащупала в сумке телефон и отпустила: написать, что добралась, можно было и после ужина. После продажи дома я надеялась хотя бы часть подработок больше не брать. Деньги ещё не были получены, а я уже отвела им место в своей жизни.

— Хлеб сама отрежешь, — сказала Валя. — Я тебе не санаторий.

Я отрезала и ей тоже. Она выбрала мой кусок, потолще.

Катя сидела боком к столу, длинные ноги мешали открыть нижний шкафчик. За год она вытянулась, и знакомое детское лицо теперь приходилось искать под тяжёлой чёлкой. Возле её локтя лежал телефон с треснувшим защитным стеклом.

— Тёть Марин, ты ноутбук привезла?

— Привезла. А что?

— Посмотреть бы список. С телефона там всё уползает.

— Она уже каждые полчаса смотрит, — сказала Валя.

— Потому что он обновляется.

— От того, что ты смотришь, не обновляется.

Катя вздохнула с терпением взрослого человека среди непонятливых родственников. Я узнала этот вздох: Валя так вздыхала на меня, когда мы вместе делали уроки, а я торопила её с ответом.

Мой чемодан стоял в коридоре поперёк половика. Я пошла за ноутбуком, задела колесом косяк и автоматически втянула живот, протискиваясь мимо шкафа. В Екатеринбурге у меня были ровные стены и достаточно места, но здесь тело заранее помнило каждый поворот. На дверце шкафа осталась светлая полоска от маминого календаря. Мамы не было уже пятый год, а полоска никуда не делась.

Пока компьютер загружался, Катя принесла мне чай. Кружку выбрала мою, с толстым краем, хотя я не помнила, говорила ли ей когда-нибудь об этом.

— Заявление приняли? — спросила я.

— Давно. После девятого конкурс по аттестатам. Мне надо понять, где я сейчас.

На сайте екатеринбургского колледжа связи таблица действительно разъезжалась за край экрана. Мы нашли Катину строчку. Выше стояло достаточно фамилий, чтобы нельзя было ни радоваться, ни пугаться окончательно.

— Здесь ещё не все оригиналы принесли, — сказала она. — И про общежитие непонятно. Поможешь завтра посмотреть, куда им звонить?

— Конечно. Если что, у меня…

— Только жить у тебя я не буду.

Она произнесла это быстро и сразу взяла кружку обеими руками.

Я ещё не успела предложить комнату, но уже почувствовала себя хозяйкой, у которой отказались гостить.

— Я хотела сказать, у меня принтер есть.

— А. Ну принтер можно.

Валя фыркнула в чай. Я тоже рассмеялась, хотя досада осталась.

— Принтеру передам. Он будет счастлив.

Катя улыбнулась и придвинула ко мне телефон с перечнем документов. Я попросила переслать ссылку, чтобы утром не искать заново. На этом мы остановились; её переезд ещё не случился, и распоряжаться им сейчас, над недоеденной картошкой, было рано.

За окном триммер наконец заработал. Валя закрыла створку, и кухня сразу стала теснее и тише.

Я достала из сумки блокнот.

— Давайте тогда про дом. Наследство оформлено, по половине у каждой, тут ничего выяснять не надо. Надо понять, когда сможем выставить.

— Давай, — сказала Валя, собирая тарелки.

Она не села обратно, и я продолжила ей в спину. Предлагала завтра разобрать комнаты, в выходные заказать машину для ненужного, потом уборку и фотографии. Человек, который слушал бы только меня, решил бы, что главное препятствие — отсутствие подходящих коробок.

— В субботу я работаю, — сказала Валя.

— Ты же по будням.

— В регистратуре одна заболела, другая в отпуске. У нас люди и в субботу болеют.

Она открыла кран. Вода ударила по ложке, брызнула на подоконник.

— Хорошо, перенесём машину на воскресенье.

— Какую машину, Марин? Мы ещё ничего не посмотрели.

— Поэтому я и говорю: завтра начнём.

— Завтра я до пяти. Потом продукты. И мне домой надо, у меня бельё с воскресенья в машинке ждёт своего часа.

Я прижала ладонью страницу. Мне казалось, стоит отпустить — и все шесть недель разлетятся на такие обстоятельства: бельё, смены, продукты. В проектной организации я привыкла сначала ставить срок, потом подбирать под него возможности. В семье этот способ тоже иногда работал, только все почему-то оставались недовольны.

— Я ведь не просто в гости приехала. У меня отпуск накопленный, потом за свой счёт. Первые дни сентября — и обратно.

— Я помню.

— Мне нужно закончить за это время.

Валя выключила воду.

— Мне тоже много чего нужно закончить.

Я посмотрела на её руки. На среднем пальце мокрая кожа белела вокруг маленького пореза.

После отцовского инсульта я оплачивала лекарства и сиделку на несколько часов по будням. Всё остальное называлось коротко: «Валя там». Сейчас это выражение пришло мне в голову с неприятной отчётливостью. Но следом вспомнились собственные ночи над дополнительными расчётами, когда утром предстояла основная работа.

— Я не предлагаю всё тебе делать, — сказала я тише.

— А я пока не понимаю, что ты предлагаешь выбросить в воскресенье.

Катя закрыла ноутбук, предварительно спросив, можно ли. Мне стало стыдно, что она спрашивала у нас разрешения закончить разговор, в котором не участвовала.

— Ладно. Без машины. Сначала посмотрим.

Мы вышли из кухни в прохладный коридор. Солнце ещё держалось на верхней части обоев, а половицы уже потемнели. Валя открыла дверь маленькой комнаты, где я собиралась спать. На диване лежало чистое бельё, рядом — полотенце и удлинитель.

— Розетка за шкафом. Не лазай, я вывела.

— Спасибо.

Она поправила свесившийся провод носком тапочка.

В бывшей отцовской комнате вдоль стены стояли коробки из-под лекарств, пустые и сложенные одна в другую. Отец умер прошлой осенью. Я приезжала после похорон, но дом тогда всё время был полон людей; теперь впервые услышала, как громко тикают часы в зале.

— Давай три группы, — сказала я. — Что забираем себе, что отдаём и что выбрасываем. Спорное пока оставим. Без решения другой ничего не увозим.

— И платное сначала обсуждаем, — добавила Валя. — Не так, что уже приехали, а я должна соглашаться.

Я хотела возразить на это «должна», но кивнула.

— Ирине на завтра договариваться? — спросила я. — Во сколько тебе удобно?

— В семь. Я хоть домой успею зайти.

Ирине, риелтору, чей номер Валя получила от коллеги, я позвонила тут же. Семь вечера ей подходило; я повторила время вслух, и Валя кивнула.

Из окна комнаты был виден сарай. Наискось приставленная к нему лестница заросла высокой травой.

— Сарай я возьму, — сказала я. — Полностью.

Валя посмотрела туда, потом на меня.

— Я туда с осени почти не хожу. Там дверь просела, поднимать надо.

— Разберусь.

Позже Катя вынесла к калитке пакет с мусором, а Валя проверила, выключен ли чайник. Уходя, она сказала, что утром хлебную машину привозят к магазину около девяти, раньше незачем ходить.

Я осталась в коридоре. Валя заперла дверь снаружи своим ключом, привычно дёрнула ручку. За стеклом мелькнул её рукав.

В доме было всё для моего приезда: постель, ужин, выведенная из-за шкафа розетка. Я подняла чемодан, чтобы больше не задевать колёсами косяк, и понесла в маленькую комнату.

2. Цена за квадратный метр

К семи я успела переодеться дважды. В чистой блузке было слишком торжественно, в футболке с вытянутым воротом я почему-то казалась себе человеком, у которого можно купить дом дешевле. Наконец осталась в футболке. Очень хотелось, чтобы Ирина сказала: хороший дом, сейчас такие ищут. Тогда можно было бы просто попить чаю с Валей, не доказывая друг другу ничего хотя бы один вечер.

Валя пришла без десяти, поставила на кухонный стол пакет с абрикосами.

— Мягкие. Сегодня съесть надо.

Я взяла один. Он распался под пальцами, сок потёк к запястью.

— Ты всегда покупаешь еду с последним предупреждением.

— Зато ты при мне питаешься.

Она подставила под мою руку блюдце. Мы доели абрикос на двоих: мне досталась целая половина, ей — всё, что пришлось срезать вокруг косточки. Остальные Валя разложила на тарелке и убрала в холодильник. На секунду я забыла про цену.

Ирина позвонила от калитки ровно в семь. Невысокая женщина в светлых кроссовках, с большой сумкой через плечо; сначала она спросила, можно ли поставить машину напротив, чтобы никому не перегородить выезд. Потом мы обошли дом снаружи.

После нескольких дождливых дней трава ещё держала воду. Я шла по краю отмостки, стараясь не замочить ноги, а Валя сразу свернула к веранде.

— Здесь сыро, — сказала она. — Внизу, под окном.

Мне захотелось остановить её: пусть сначала посмотрят хорошее. Но Ирина уже присела у стены. Краска на нижней доске вздулась мелкими пузырями; возле угла земля была темнее.

— Давно заметили?

— После этих дождей. Раньше тоже бывало, только просыхало быстрее.

— Запах внутри есть?

Валя кивнула и открыла дверь.

На веранде пахло мокрым деревом и старой обувью. Под окном стоял отцовский табурет: зелёное сиденье, одна ножка обмотана чёрной изолентой. На нём лежали перчатки для огорода.

— Этот сразу на выброс, — сказала я, чтобы хоть что-нибудь решить.

Валя сняла перчатки.

— Пока оставь.

Я придержала дверь, пропуская Ирину, и больше про табурет не говорила.

В доме Ирина сверяла план с комнатами, спрашивала про воду, канализацию, отопление. У котла Валя отодвинула ведро, чтобы можно было подойти.

— Зимой держал температуру?

— Держал. Но в морозы я утром и вечером приходила проверять. Вот здесь соединение мокрело, мастер подтянул.

— Значит, писать «отопление без вложений» не будем.

— Оно же работает, — сказала я.

— Так и напишем: действующее. А возраст и состояние покажем на просмотре.

Из кухни я видела, как Валя возвращала ведро на место. Я знала, что у неё своя квартира, тёплая, на третьем этаже, с вечно заставленным подоконником. Почему-то только сейчас представила, как она выходила оттуда вечером и шла сюда, к этому котлу. Но сколько занимала такая проверка — десять минут, час? — я не знала и тут же поймала себя на желании выяснить продолжительность.

Мы сели за стол. Ирина положила перед нами телефон с объявлениями.

— По вашему дому я бы пробовала от двух миллионов шестисот до двух восьмисот пятидесяти. Выше будет трудно. Участок хороший, улица тихая, но здесь покупают в основном с ипотекой, считают будущий ремонт.

— Шестьдесят три метра, — сказала я. — И земля. Я видела за три двести, меньше нашего.

— Видели объявление или проданный дом?

— Объявление.

— Он с марта стоит. И там газовое отопление новое.

Я подвинула телефон обратно. В моей голове уже существовала другая сумма. Её половина означала несколько месяцев без вечерних расчётов, возможность не соглашаться на любую срочную работу. При меньшей цене эти месяцы начали укорачиваться прямо за столом.

— За два шесть мы столько лет… — Валя замолчала, потёрла большим пальцем край клеёнки. — Тут всё сделано. Вода в доме. Папа полы перестилал.

— Я вижу, что дом жилой, — ответила Ирина. — Но покупатель будет считать, что ему ещё придётся сделать. Отопление, веранда. Крышу смотреть.

— Крыша не течёт, — быстро сказала Валя.

— Хорошо. Это тоже скажем.

Ирина не утешала нас и не торопила. От этого спорить с ней было особенно неудобно.

— А если веранду подкрасить? — спросила я. — Обои в комнате заменить?

— Для фотографий станет лучше. Сырость останется. Свежая краска поверх такого иногда пугает сильнее старой.

Валя посмотрела на меня.

— Я закрывать это не хочу.

— Я не предлагала скрывать.

Но именно свежую светлую стену я и успела вообразить: без пятна, без неприятного вопроса при входе.

— Тогда два восемьсот пятьдесят, — сказала я. — Начнём с верхней границы.

— Ниже пока не надо, — отозвалась Валя.

Мы договорились, что четырнадцатого августа посмотрим на звонки и просмотры. Не просто на число людей, открывших объявление. Ирина записала дату, я тоже. Вале я показала страницу, и она кивнула.

Для первых фотографий мы открыли шторы в зале. Свет лёг поперёк ковра, высветил продавленный край дивана. Ирина попросила убрать со стола мою зарядку, но мокрый угол веранды сняла отдельно.

— Его тоже в объявление? — спросила я.

— Лучше сразу. Без крупного плана, как будто весь дом разваливается. Просто чтобы было видно.

Я отошла от окна, перестав заслонять свет.

На следующий вечер мы втроём освобождали бывшую отцовскую комнату под коробки. До прихода Вали Катя успела сама позвонить по номеру приёмной комиссии, который мы утром нашли на сайте. Про общежитие ей велели уточнять после зачисления; она пересказала это без удовольствия и попросила больше сегодня список не проверять.

Старые газеты мы связали, пустые лекарственные коробки сложили в пакет, остальное переносили в зал — пока без окончательных решений. Валя сняла с комода чек за мешки и губки, которые мы днём согласились купить.

— Запиши, а то потеряешь.

Я внесла сто восемьдесят шесть рублей в блокнот, а чек убрала под обложку.

За комодом обнаружился синий пластиковый таз. Катя вытянула его за край и подняла перед собой, как щит.

— Вот это я узнаю. В нём мне ноги парили. Я была уверена, что он гораздо больше.

— Это ты была меньше, — сказала Валя.

— Нет, мне нравилась версия, что таз усох.

На синем боку белел косой след, будто по нему провели мелом. Я вспомнила, как мы с Валей мыли в нём смородину: она выбирала листья, я вылавливала самые крупные ягоды и считала себя незаметной.

— Твоя мама меня из-за него била полотенцем, — сказала я.

— Ты ела вместе с червяками.

— Не надо портить семейные воспоминания уточнениями.

Катя засмеялась, опустила таз на пол и налила туда тёплой воды. Пока я пыталась отжать слишком большую тряпку, Валя подвернула мне рукава.

— Отойди от стены. Сейчас сама себя помоешь.

Мы работали с открытым окном. С улицы тянуло нагретой крапивой, вода быстро серела. Катя включила музыку негромко, и Валя вдруг подхватила припев, перепутав половину слов. Дочь не поправила её, только посмотрела на меня и закатила глаза. Я засмеялась и промыла пропущенную полосу у плинтуса.

Потом мы ели оставшиеся абрикосы на крыльце. У Вали прилипла к щеке тонкая ниточка мякоти; Катя сняла её пальцем и вытерла о салфетку. Никто никуда не спешил минут десять.

К тридцать первому июля объявление появилось на сайте. Я отправила Ирине снимок освобождённой комнаты. В описании стояло: «Жилое состояние, отопление действующее, требуется внимание к веранде».

На окне лежали приготовленные мною наклейки для вещей, которые мы заберём. Валины оставались чистыми. Я уже открыла рот спросить, собирается ли она вообще что-нибудь выбирать, но она позвала Катю: пора было домой.

Сарай темнел за стеклом. Я решила, что завтра сначала разберу зал: там результат будет виден сразу. Про сарай сестре ничего не сказала.

3. За чей счёт

Первого августа Валя принесла в дом холодные сырники в коробке из-под мороженого. Я как раз освободила в зале половину стола и собиралась считать расходы, но она положила сверху полотенце.

— Сначала поедим. У тебя на бумагах вся пыль останется.

— Это уже классифицированная пыль. Не перемешивай.

Она приподняла полотенце, заглянула под него и вернула на место.

— Ну да. Здесь отдельно дорогая.

Мне нравилось, что она ещё могла так со мной разговаривать. Не осторожно, не через силу. Я принесла с кухни сметану, а Валя нашла в серванте две маленькие тарелки, которых я сама утром не заметила за бокалами. Край одной был отколот; она развернула её сколом к себе.

Мы ели у окна. Сырники были плотные, с изюмом, который Валя неизменно добавляла вопреки собственным жалобам на его цену. Я выбирала изюм вилкой и складывала отдельно.

— Катин метод, — сказала она.

— Катя у меня научилась.

— Только она потом не ест.

Я съела всю горку сразу. Валя покачала головой и придвинула мне сметану.

Катя сидела на ковре возле розетки и сверяла что-то в телефоне с листком на колене. Вокруг неё стояли перенесённые из отцовской комнаты коробки; узкий проход к двери я оставила, но до шкафа теперь приходилось добираться боком. За спиной Вали на диване лежали две стопки белья. Одну мы уже решили отдать, вторую она попросила пока не трогать.

Мне хотелось до вечера закончить хотя бы со столом. Он был единственным местом в комнате, где уже можно было увидеть результат моей работы.

Убрав тарелки, я раскрыла блокнот.

— Я узнала про вывоз. Машина с двумя грузчиками — от четырёх с половиной. Зависит от объёма и времени. Пока ничего не заказывала.

Валя потянула к себе коробку с пуговицами, но открывать не стала.

— А что вывозить?

— То, что обе решим. Я сейчас про деньги. Давай установим сумму на подготовку. Например, восемь тысяч. Я оплачу, потом из продажи вернём, остальное пополам.

— Из общей суммы вернём тебе?

— Да. По чекам. Машина, мешки, всё такое. Сто восемьдесят шесть уже записаны.

Она провела пальцем по крышке коробки. Под прозрачным пластиком лежала большая коричневая пуговица, похожая на конфету.

— А почему только то, на что есть чек, считается вложением?

Я ещё не почувствовала опасности вопроса. Мне показалось, что надо точнее объяснить порядок.

— Потому что иначе мы не посчитаем. Твои покупки тоже запишем, разумеется.

— Покупки, — повторила Валя.

Катя подняла голову, потом снова посмотрела в телефон.

— Мы же не собираемся учитывать каждую тряпку, — сказала я. — Но машину я не могу просто подарить. У меня сейчас тоже не бесконечно.

— А я могу подарить всё остальное?

Я откинулась на спинку стула. Сырники ещё минуту назад приятно лежали в животе, а теперь мешали дышать.

— Что — остальное?

— Марин, я сюда сколько ходила? И с папой, и потом. Это нигде не записано.

— Мы сейчас о подготовке дома.

— Ты сказала: кто вложил, тому вернуть.

— Я не так сказала.

Валя отпустила коробку. Пальцы оставили в пыли четыре короткие полосы.

Мне хотелось вернуть разговор к восьми тысячам — такой небольшой, понятной сумме. Но я уже слышала другое: будто все мои переводы были удобным способом не приходить самой.

— Сиделка стоила двадцать восемь тысяч в месяц, — сказала я. — Ещё лекарства. Иногда семь, иногда десять. Это тоже было не из воздуха.

— Я знаю.

— По-моему, не очень.

Она посмотрела на меня прямо.

— Она в четыре уходила. Хорошая женщина, я ничего не говорю. Но в четыре уходила.

Я помнила её расписание. Четыре часа по будням: можно было помыть отца, покормить, сменить постель. Я искала человека почти неделю, обзванивала объявления на работе из пустой переговорной. Когда нашла, мне казалось, что самое тяжёлое удалось устроить.

— Ты могла хотя бы в это время…

— Я в это время в регистратуре была.

Я замолчала. Валя смотрела не на меня, а на стол, туда, где под полотенцем выпирал край блокнота.

— Помнишь, я тебе вечером позвонила? В марте. Спросила, можешь ли ты приехать в выходные.

Я помнила. У меня тогда одновременно сдавались два расчёта, и один вернули с замечаниями в пятницу после шести.

— Ты сказала, что от меня всё равно толку нет.

— Я сказала, что не могу больше объяснять.

— Я спрашивала, какая помощь нужна. Ты бросила трубку.

Валя потёрла переносицу, не снимая очков.

— Папа в тот вечер три раза звал, пока мы разговаривали. Я ещё в пальто была. Пришла с работы, сиделка уже ушла, он мокрый. Катя звонила, у неё дома ключ в замке застрял. А ты говорила: «Скажи конкретно, что надо».

— Потому что «я больше не могу» — это не…

Я остановилась. Валя ждала окончания, и от этого было хуже.

— Не заявка? — спросила она.

— Не надо.

Я помнила тот звонок иначе: сестра отвергала всё, что я предлагала, а мне нужно было знать, искать ли ещё человека, покупать ли билет. В моём воспоминании я сидела перед светящимся монитором и никак не могла получить ответ. Её пальто в том разговоре не было. Ни застрявшего ключа, ни отцовской мокрой постели.

От этого мои два несданных расчёта никуда не исчезли.

Я взяла телефон. Накануне вечером, ещё без всякой ссоры, собрала снимки старых переводов в отдельную папку. Хотела, чтобы при случае не искать. Теперь открыла переписку с Валей и выбрала несколько изображений. Под полем сообщения показались маленькие одинаковые банковские значки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.